

АЛЕКСАНДР АКУЛИК

(Беларусь)

Вызов

Владимир Игнатьевич Бровиков
в воспоминаниях, документах, комментариях

Чем больше задумываешься о жизни и смерти Владимира Бровикова, драматических, а порой и трагических изгибах его судьбы, тем явственнее чувствуешь волю, мужество и интеллект этого человека — сочетание редкостных качеств, оказавшихся, увы, не до конца востребованными в его время...

В 1974 году, когда Владимир Игнатьевич работал в аппарате ЦК КПСС, о нем было сказано: «Еще молодой, а какой настойчивый. А главное — ни под кого не подлаживается...» Слова эти принадлежат Михаилу Андреевичу Суслову, в то время главному идеологу партии, второму после Брежнева лицу в государстве. Я понимаю: одно только упоминание фамилии Суслова может вызвать неприятие у некоторых современных «друзей демократии», к которым этот деятель давно уже зачислен в разряд «однозвучных фигур», «слушателей свободы» и проч. Однако речь-то не о Суслове, хотя можно заметить: в чем-чем, но в людях этот партийный «мастодонт», пожалуй, не ошибался. Уверен: у него были основания именно так, уважительно, отозваться о молодом сотруднике на заседании ЦК. Тогда Бровикову было 43 года, для престарелого Политбюро — возраст младенческий! Забегая вперед, скажу: такую оценку он оправдал всей своей последующей жизнью и деятельностью: всегда имел свою собственную точку зрения, даже если она отличалась от общепринятой или той, которой придерживалось начальство или большинство...

Не услышали...

«Поднявшийся во весь рост» — так назывался очерк, опубликованный в журнале «Беларуская думка» почти шесть лет назад. Времени прошло, как видим, немало, а точная, емкая фраза помнится. Она — о Бровикове, о его бескомпромиссной, жесткой позиции, которой он придерживался всю свою жизнь. Особенно ярко она проявилась в феврале—марте 1990 года в Москве на двух состоявшихся подряд пленумах ЦК КПСС, где Владимир Игнатьевич, будучи членом ЦК и послом в Польше, дважды выступил, по сути, с вызовом Горбачеву и всей партийной верхушке.

Один мудрый человек заметил: мы меряем жизнь своих предшественников десятилетиями, столетиями, эпохами, а ведь и у них, как и у нас, она складывалась из минут, часов, дней... Нелегко их воссоздать, когда человека уже нет. Но ведь у каждого есть и были такие моменты, которые можно назвать определяющими, тесно связанными с судьбами страны, народа. Именно такими и были те его выступления, вызвавшие огромный резонанс тогда еще великого государства.

Несколько слов о той ситуации. Великая страна рушилась. Экономика — в жесточайшем кризисе. Полки магазинов пусты. Стремительно растут цены. На окраинах державы пылают кровавые конфликты. Было очевидно: нужны

кардинальные перемены в деятельности партии и государства. Понимало ли это руководство страны? Видимо, понимало, а между тем острейшие проблемы замалчивались. Горбачев как ни в чем не бывало, раздавал многословные интервью, встречался с «симпатизировавшей» ему Тэтчер, иными западными руководителями.

А на пленуме ЦК в феврале 1990 года благодушно, в духе «одобряем-с» обсуждался проект «платформы» к предстоящему съезду партии. «Возмутителем спокойствия» стал Владимир Бровиков. Попросив слова, он подверг резкой критике проект: «В том виде, как он представлен, вряд ли приемлем и нуждается в серьезной доработке» (Здесь и далее цитирую по тексту, опубликованному в «Правде». — *Авт.*).

Владимир Игнатьевич устроил настоящий разнос этому документу: отметил его «излишнюю митинговость, даже некоторую крикливость, неточность содержащихся в нем оценок прошлого и особенно настоящего, идеологический эклектизм и отсутствие теоретической ясности»... И тут же — разящая ирония: «Общество, видите ли, насытившись демократией, не лучшей жизни ждет сейчас, а буквально измаялось без поста президента». Намек был ясен: Горбачев давно уже вынашивал идею президентства, и через месяц с небольшим ему удалось, используя отработанную машину голосования выдвинутых властью депутатов, осуществить свою мечту.

А между тем, анализируя проект «платформы», Бровиков продолжал препарировать ошибки и упущения руководства партии. «В документе достаточно дифирамбов в адрес перестройки, критики дореволюционного прошлого и щедрых посулов на будущее, — говорил он в критическом и непривычного напряжения зале, — зато практически отсутствует оценка настоящего, допущенных не когда-то, а за перестроечный период ошибок. Мы больше стали дорожить не собственными оценками нашей собственной работы, а тем, как нас оценил Господь на Западе...»

Пусть простит меня взыскательный читатель за обильное цитирование выступления моего героя, но ведь многие, быть может, впервые о нем слышат. А тут что ни слово, то не в бровь, а в глаз... «Мы как-то стараемся все доказать, что народ за перестройку, — продолжал Бровиков. — Но позволительно спросить: за какую? Не за ту ли, которая за неполных пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела ее к черте, у которой мы лицом к лицу столкнулись с разгулом анархии, деградацией экономики, гримасой всеобщей разрухи и падением нравов... Утверждать в этой ситуации, что народ «за», что все это ему по нраву, по меньшей мере политически непорядочно, — и, апеллируя к замершему залу, добавил: — Да что тут говорить, вы и сами знаете, товарищи...»

Но «товарищи», затаив дыхание, молчали. Они и сами видели и чувствовали: оратор прав, однако у большинства из них не хватало ни смелости, ни решимости сказать об этом вслух. А Бровиков, между тем, продолжал размышлять о «перестройке» — любимом детище Горбачева, им же заболтанном и дискредитированном: «Это понятие мы лихо ввели в оборот, но не потрудились наполнить его конкретным и ясным содержанием. Это результат нашей гипертрофированной амбициозности, личных ошибок, которые допустили руководители нашей партии и государства».

А это уже под ребро генсеку и его команде... Думаю, они поеживались, слушая объективный и бескомпромиссный анализ своей деятельности. А выступление продолжалось: «Разве не ошибка провозгласить тотальную демократизацию общества и забыть о другой стороне медали — наведении дисциплины и порядка в стране. Разве, товарищи, не ошибка принятие скороспелых, разработанных с кондачка законов. Так получилось с антиалкогольным законодательством. То же и с законами о кооперации, о предпринимательстве, аренде, индивидуальной трудовой деятельности. Мечемся, ищем панацею от всех бед, надеемся, что возведенная в абсолют демократия все расставит на свои места в политической

сфере, а рынок — в экономике. Но коль все пока получается наоборот, то виноваты, видите ли, не руководители в центре, а исполнители на местах. Стало модным списывать все наши грехи на «проклятое прошлое». А мы-то уже давно расхлебываем не суточные щи вчерашнего застоя, а кашу, заваренную сегодня, из продуктов перестройки»...

Образно, ярко, глубоко! Чувствуется, что журналистское образование, работа в печати не прошли для Владимира Игнатьевича даром. Его выступление на пленуме — яркий образец публицистики высокой пробы, основанной на всестороннем анализе общественно-политической ситуации и глубоко продуманных выводах: «Вся наша трагедия сегодня в том, что по-прежнему мы никак не можем отказаться от единоличной власти в государстве и партии. Часто руководим по наитию, некомпетентно, неадекватно, заботясь не о благе Отечества, а о других, может быть, больше личных амбициях».

Бровиков знал, перед какой аудиторией выступает: хотя многие его коллеги грешили двуличием, но не прощали неискренности другим. Именно таким лицемерам, очевидно, адресовались слова: «Решился, товарищи, на это выступление потому, что считаю необходимым наконец-то отказаться еще от одного принесшего нам немало бед в прошлом порока, когда мы своих высших руководителей со всей смелостью и отвагой критиковали лишь после их физической или политической смерти. Почти убежден, что все, кого касается моя сегодняшняя критика, так же как и те, кто по старинке еще занимается подхалимажем, тут же отнесут меня к «бетону». У нас ведь принято уже, что в «перестройщики» зачисляются те, кто подпеваает, а те, кто критикует, нарекаются консерваторами».

Читал я эти слова и вспомнилось давнее: «Ай да Юшкин, ай да сукин сын!» Такую ироничную похвалу мог бы отнести к самому себе и Владимир Игнатьевич. Но он-то понимал критику недостаточно, нужно что-то предлагать... Слушаем дальше: «Конкретное предложение, снять из платформы положение о президенте, о председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть и не в том, какие мы кабинетные революции проведем. Дело в том, как будет действовать партия, какую политику она будет проводить, какие цели преследовать».

На такой высокой ноте Бровиков и закончил свое выступление на пленуме ЦК КПСС в феврале 1990 года. Предложения четкие, логичные, но все понимали: все это — глас вопиющего в пустыне. Не услышали... Не захотели услышать!

Вторая попытка

Да, все понимали: плетью обуха не перешибешь. Конечно, чувствовал это и Бровиков: его предложения, увы, повисли в воздухе. Вот почему на очередном пленуме ЦК КПСС, состоявшемся почти через месяц, что само по себе свидетельствовало о его чрезвычайности, он снова попросил слова...

«Долго колебался: выступать ли мне сегодня после того выступления, которое было в феврале. И все-таки озабоченность судьбой партии заставляет меня участвовать в разговоре, — на этот раз Владимир Игнатьевич для своей речи взял иной, чем прежде, ключ: как выполняются решения предыдущего, XXVII съезда партии. — Давайте наложим то, что он решал, на то, что у нас выходит на деле. И мы легко заметим, что мы свернули с пути, начертанного съездом, получили не те результаты, которые тогда закладывали в свои планы. Вместо ускорения (а именно в этом состояла квинтэссенция съезда) идет замедление. Вместо повышения уровня жизни людей труда наблюдается его снижение. Вместо реформирования системы государственного и хозяйственного управления во многом происходит ее деформация. И, наконец, вместо укрепления партии ведется линия на ее ослабление и дискредитацию. Как, товарищи, понимать все это? — вопрошал Бровиков и сам же давал ответ: — ЦК, прежде всего, его Политбюро и Секретариат не подкре-

пили принятого съездом курса должной организаторской и политической работой. В этом я вижу один из секретов падения авторитета партии. Словом, весь наш реформаторский пар уходит в гудок, в лозунги и бесконечные дебаты в этом зале и смежных с ним. Люди не понимают, что происходит. На исходе девятого десятилетия своей истории КПСС, объединяющая почти 19 миллионов человек (а это каждый десятый гражданин страны), оказалась перед лицом как никогда большой опасности. Создается впечатление, что наши руководители спешат поставить крест на партии как ведущей силе общества, а функции ликвидируемого Политбюро передать Президенту. Но надо ли так спешить? Где, товарищи, гарантия, что президентская власть спасет нас от свалившихся на нашу голову бед?»

Однако «товарищи», как и прежде, отмалчивались. Они видели: на трибуне — бунтарь-одиночка, он и сам подчеркнул, что выступает здесь как коммунист и член ЦК лишь от самого себя и высказывает свои, именно свои соображения. А они привыкли иметь дело с теми, кто говорит «от имени и поручению»... На этот раз не было ни того, ни другого. Тем более что с трибуны звучали кощунственные, по их разумению, предложения: «За провалы решений XXVII съезда должны нести ответственность ЦК и его Политбюро, местные партийные органы. Должны лично отвечать не только товарищ Лигачев (именно на него обрушилось больше всего критики на пленуме. — *Авт.*), но и Горбачев, Медведев, Слюньков, Яковлев, Лукьянов...»

Это был шок! Никто и никогда до того времени не смел так остро ставить вопрос об ответственности членов всемогущего Политбюро. Думаю, Горбачева тогда передернуло, и он, сквозь проколы скрываемую неприязнь, догнал резким вопросом спускавшегося с трибуны Бровикова: «Одну минуту, какие у вас конкретные предложения? Второе выступление, очень серьезные обвинения...» Владимир Игнатьевич, судя по всему, слегка обидшись, не приняло было устраивать аутодафе прямо на трибуне. Голос его, очевидно, вздрогнул: «Нет, не обвинения, Михаил Сергеевич.

М. С. Горбачев: «Свернули с курса, должны нести ответственность... Какие у вас конкретные предложения?» (Думаю, это была попытка «смазать», нивелировать реакцию зала, который, затанцевавшись, наблюдал за схваткой. — *Авт.*)

В. И. Бровиков: «Я считаю, Михаил Сергеевич, что было бы нелишне, если бы члены Политбюро, кандидаты, по своей компетенции, отчитались за те провалы, которые допущены после XXVII съезда».

М. С. Горбачев: «Это все?»

В. И. Бровиков: «Ну, может быть, и все, но и этого уже достаточно...»

Намного позже, через десятилетие, я узнал из упомянутого очерка в «Беларуской думць» о том, что все сказанное на трибуне было далеко не все. На последней, не оглашенной с трибуны, странице выступления Владимира Игнатьевича было предложение исключить и вывести из состава Политбюро Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева — «за измену интересам советского народа и предательство партии». Предлагалось также распустить Политбюро ЦК, как «не справившееся с выполнением решений XXVII съезда КПСС и допустившее политическую беспринципность и капитулянтство», рассмотреть вопрос о персональной ответственности членов Политбюро за допущенные недостатки в работе, принять другие меры по исправлению ситуации в стране.

Почему же это не прозвучало с трибуны пленума ЦК? Может, Бровиков оробел, струсил? Думаю, нет. Тут был трезвый расчет. За столь кардинальные предложения, по его собственным «прикидкам», могло бы проголосовать 55—60 человек из 540 членов и кандидатов в члены ЦК и членов ревкомиссии, а вот за исключение «смутьяна» из партии — все 480. Ну, может, десятка два и воздержались бы...

Спаси великую страну уже было нельзя...

На заре...

Родился Владимир Бровиков в 1931 году на Гомельщине, в городе Ветка, известном своим старообрядчеством, раскольничеством. Один из основателей староверства, писатель протопоп Аввакум по царскому указу был сожжен на костре. Трудно сказать, передался ли тот дух бунтарства последующим поколениям, но, думаю, в самые драматические моменты жизни Бровикова, когда с трибуны пленума ЦК КПСС он бросил вызов всеильной тогда партократии, на его лице наверняка витали отблески Аввакумова костра...

Детство Володи припадает на времена острой классовой борьбы: коллективизация, репрессии... Все это не могло не отразиться в душе мальчишки, заставляло задумываться о событиях и людях. До начала войны он окончил два класса и возобновил учебу уже после освобождения. В 1950 году поступил на отделение журналистики филфака Белгосуниверситета. Замечу в скобках, мне тоже посчастливилось учиться на этом отделении, вот только на пять лет позже...

О студенческих годах Бровикова есть интересное свидетельство очевидцев: рослый, подтянутый, сохранивший на лоб копной черных волос, с обворожительной улыбкой он шествовал по университетским коридорам под обожающими взглядами многочисленных поклонниц. Владимир по праву считался тогда «звездой студенческого театра», пользовавшегося в университете огромной популярностью. Конечно, прежде всего, для университетских красавиц. Хотя, справедливости ради, был Владимир Игнатьевич до дней своих последним застенчивым однолюбом, верным своей супруге Неве Николаевне.

По окончании университета Владимира Бровикова направили в Оршу — заведующим сельхозотделом городской газеты «Ленінскі прызыў». Через четыре года он становится редактором Суражской «районки», а вскоре возвращается в Оршу на должность редактора объединенной газеты с тем же названием «Ленінскі прызыў» (к тому времени городская и районная газеты объединились).

Именно к этому периоду относятся воспоминания о Бровикове Александра Градюшко, известного журналиста, отработавшего в печати более сорока лет (в том числе в «Советской Белоруссии», где он был первым заместителем главного редактора, а в крутые времена кадровых перемен более полугодом исполнял обязанности главного). Начиналась же его творческая стезя именно в Орше — с редакторского благословения Владимира Бровикова. Привожу отдельные фрагменты из его воспоминаний.